КНИГА ЗА КНИГОЙ

Андрей Шманкевич

КОЛЬКА-ТЕОРЕТИК

Издательство „Детская литература"

Свети
от Црнии.
23-IV г.

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

КОЛЬКА-ТЕОРЕТИК

РАССКАЗЫ

Рисунки Е. Мигунова

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

Р2
Ш71

СОДЕРЖАНИЕ

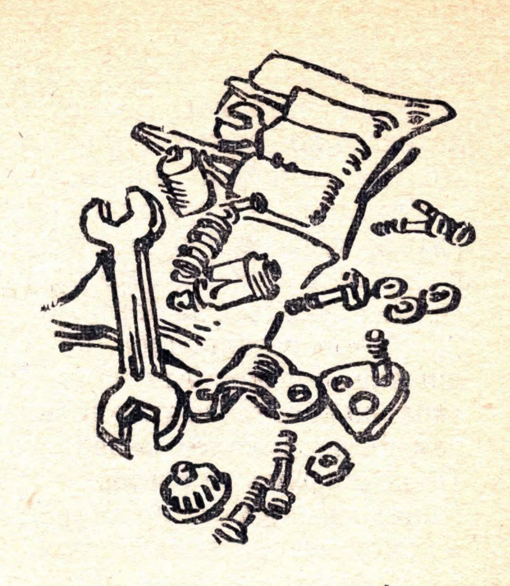
Шманкевич А. П.

Ш71 Колька-теоретик. Рассказы. Рис. Е. Мигунова. М., «Дет. лит.», 1976.

32 с. с ил. (Книга за книгой).

Весёлые рассказы известного писателя А. П. Шманкевича (1908—1970) про школьников Митю и Витю, про их приключения во дворе и дома и про других ребят.

Ш $\frac{70802-055}{М101(03)76}$ 252—76 Р2

КОЛЬКА-ТЕОРЕТИК

Мы застряли на своём катере с подвесным мотором на лимане. Если бы не шкипер-механик Середа, мы ещё и заблудились бы в непролазных камышовых джунглях. Но мы не заблудились. Середа отлично знал лиманы и уверенно вёл катерок по самой короткой дороге, иногда направляя нос катера, как нам казалось, прямо в стену камышовых зарослей. И в стене неизменно оказывался узкий проход, такой маленький, что нам приходилось глушить мотор и проталкивать наше судёнышко шестами, а иногда и на руках перетаскивать в следующий лиман.

По расчётам Середы, часа в три пополудни мы должны были войти в ерик, по которому в лиман поступает пресная вода. Но, будучи отличным шкипером, Середа был плохим механиком. Он только накануне постиг заводку и остановку мотора, ну, и, разумеется, способ управления катером при помощи мотора. Мы тоже понимали в подвесных моторах не больше Середы, даже меньше: мы не могли ни останавливать, ни

заводить мотор. Мы — это я и студент-практикант рыбхоза ихтиолог Валентин — составляли команду катера и по совместительству были его пассажирами. Колька, сынишка Середы, был никто. В его обязанности входило всего-навсего глазеть по сторонам, не соваться куда не просят, не давать советов по ремонту подвесных лодочных моторов и управлению катером, не вываливаться за борт.

Мотор остановился на самой середине Золотого лимана, остановился не сразу, а солидно чихнув несколько раз, точно подхватил насморк. И, сколько потом ни чертыхался Середа, мотор не издал ни звука. Из почти живого существа, так деловито рокотавшего над лиманными просторами, он сразу превратился в немой металлический труп.

Колька подал первый совет:

— Подача засорилась... Жиклёр надо продуть.

Мы с Валентином посмотрели на Середу, как бы спрашивая его мнения насчёт жиклёра. Шкипер, в свою очередь, покосился на сына.

— Чего мелешь?.. «Жиклёр»!.. Нахватался всяких названий! — проворчал он.— А ты знаешь, где он, тот жиклёр, помещается?

— Ну не знаю... Так что? А продувать надо, когда мотор начинает барахлить. Это точно. Кабы ты не отгонял меня от мотора, так мы не торчали бы здесь.

— «Кабы... кабы»! — передразнил шкипер сынишку.— Кабы не отгонял, так ты бы из одного мотора сделал два да ещё паровую мельницу в придачу...

Нам стало ясно, что у отца с сыном спор этот давнишний и, кажется, безнадёжный. Однако что-то надо было делать, и мы принялись всей командой искать в моторе злополучный жиклёр. Из мужского самолюбия мы не произносили слово «жиклёр», делали вид, что ищем просто причину остановки мотора, но на самом деле все мы старались найти именно жиклёр. Середа искал, не переставая ворчать на сына:

— Механик нашёлся! Читать-писать как следует

не научился, а туда же — «жиклёр»! Таблицу умножения никак не может запомнить, а «жиклёр», «подача», «карбюратор» так и сыплются у него с языка! Целыми днями у мастерских вертится. Хорошо, что там начальство строгое и на порог ихнего брата не пускает, а то полмастерских растащили бы по винтикам.

В ответ Колька только усмехался да пожимал плечами, как человек, сознающий своё превосходство и не желающий спорить. Валентин сделал очень дельное предложение: отвинчивать и откручивать всё, что можно отвинтить и открутить.

— А потом что? — спросил Середа.

— Снова всё прикрутим и привинтим. А каждое отверстие будем тщательно продувать. Если этот самый жиклёр продувают, следовательно, это должно быть отверстие...

— Ясно, отверстие,— вставил Колька.— Дырка.

Теперь мы знаем, что такое жиклёр и почему его надо продувать, а тогда...

«Дырок» в моторе оказалось великое множество. Отвинтишь болт — дырка, отвернёшь шуруп — снова отверстие. И каждое отверстие мы старательно продували, иногда сгибаясь в четыре погибели, чтобы дотянуться до него губами. После каждого такого продувания Колька обязательно делал вывод:

— Какой же это жиклёр? Жиклёр совсем не такой бывает...

Под конец он вспомнил, что жиклёр обязательно должен быть при карбюраторе. После этого нам оставалось найти карбюратор — и мы были бы спасены...

И, представьте, мы его нашли. Нашли путём сложных логических умозаключений. Нашли и отделили от костяка мотора, отделили и разобрали на все составные части, продули все отверстия, собрали и привинтили на старое место. Мотор не завёлся.

— И не заведётся! — уверенно сказал Колька.— Кабы все винтики в него завинтили, тогда, может, и завёлся бы...

Валентин стал наполнять ведро илом и подавать нам.

Мы все застыли, предчувствуя недоброе.

— Почему ты решил, что мы не все завинтили? — робко спросил Валентин.

— Потому, что один в воду упал,— спокойно пояснил Колька.

— Когда упал? — спросили мы хором.

— Да когда я в нём дырочку продувал. Он маленький был. Выскочил у меня из губов — и в воду.

Первым из нас обрёл дар речи Валентин.

— Не из «губов», а из «губ» надо говорить,— сказал он и принялся стаскивать с себя одежду: кому же, как не ихтиологу, надо было отправляться в подводное царство на поиски винтика с дырочкой.

Сначала Валентин плавал у самого дна, как человек-амфибия, стараясь не замутить воды. Оказывается, он умел не закрывать в воде глаза, отчего Колька пришёл в восторг. Но такие поиски не привели к желаемым результатам, как ни просматривал Валентин все подводные окрестности вокруг лодки. Тогда он потребовал ведро, стал наполнять его илом и подавать нам. А мы промывали ил. Промывали так старательно, как не промывают, вероятно, породу золотоискатели. Колька охотно подавал советы:

— Ты совсем не там ищешь. Вот здесь надо искать...

Валентин принимался наполнять ведро на новом месте, но после двух-трёх десятков вёдер Колька показывал на другое место, и всё приходилось начинать сначала. И каждый раз Середа-старший обещал младшему «оборвать уши за проказы». Колька относился к этому спокойно, отлично зная, что никакая опасность его оттопыренным ушам не грозит.

— Механизатор! — продолжал распекать старший.— Все вы такие! Семён твой тоже хорош! «Не волнуйтесь, товарищ Середа, всё будет в порядке!.. Я так отрегулировал мотор, что его малый ребёнок заведёт...» Вот и послушался я, нацепил эту бандуру на корму, как себе на шею!

К тому времени, когда, по расчётам шкипера, мы должны были уже войти в ерик, в нашем ведре что-то легонько звякнуло. Это что-то и было тем самым жиклёром, который, по мнению Середы-младшего, следовало продувать при каждой остановке мотора.

Но вскоре выяснилось, что продувать надо не только жиклёры, но и свечи. Мы водворили жиклёр на положенное место, но мотор не заводился, как и без жиклёра. Тут вот Колька и сказал, что надо «продуть свечу», а ещё лучше «прожечь» её и «проверить искру на массу»... К счастью, механик Семён успел вчера показать нашему шкиперу, где помещается свеча и как её «продувать». Надо было просто вывинтить свечу и провернуть мотор без неё несколько раз. Что касается проверки искры на массу, тут без Колькиного руководства не обошлось.

— Надо прислонить свечу к мотору и дёрнуть заводилку,— сказал он авторитетно.

Мы так и сделали. Валентин приложил свечу к мотору, а я дёрнул что было силы заводилку. Валентин так после этого подскочил, точно я не за рукоятку заводилки дёрнул, а его самого за волосы.

— Что, током ударило? — радостно спросил Колька.— Раз ударило, то с искрой всё в порядке. Зажигание работает.

Итак, всё работало. Зажигание работало. Подача горючего работала. Не работал только мотор. Что нам было делать? Не развинчивать же его заново! Решено было использовать последнее в нашем положении средство: продвигаться на вёслах...

До самой темноты гребли мы, толкались шестами и дружно били себя ладонями по шее и щекам, отбиваясь от комаров: с темнотой они насели на нас силами нескольких дивизий, если не армий. Этим воспользовался Колька. Он добрался наконец до мотора. А тот как будто только этого и ждал. Мы даже пере-

пугались все, когда он зарокотал в тишине сумерек. Я бросился на корму и крикнул Кольке:

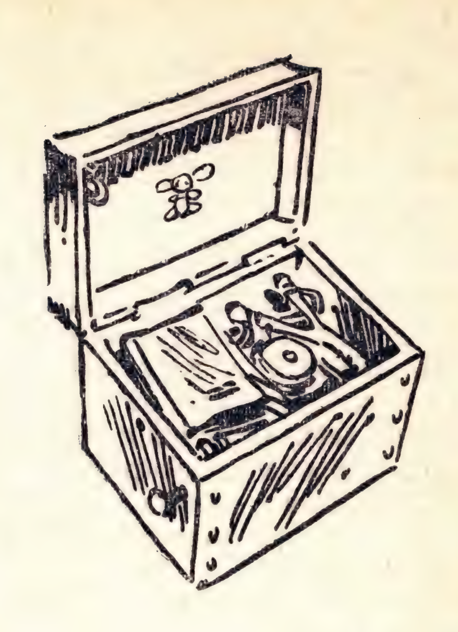
— Это ты его завёл?

— Он сам завёлся,— испуганно крикнул в ответ Колька.— Я только немножко покрутил вот эту штучку и дёрнул заводилку!

Теперь, когда у меня есть собственный подвесной мотор и я знаю его до последнего винтика, мне смешно вспоминать о всех наших злоключениях на лимане. Знаете, из-за какой чепухи не заводился мотор? Из-за того, что от тряски завинтился воздушный вентилёк на бачке с горючим! Стоило Кольке дотронуться до него, открыть доступ воздуха в бачок, и пожалуйста — мотор завёлся с пол-оборота...

Что мне хочется сказать в конце этого рассказа? А вот что:

«Товарищ Середа! Товарищи строгие начальники! Не гоните вы Кольку и его друзей от моторов, от ворот мастерских! Чем скорее в наш век техники придёт Колька от теории к практике, тем будет лучше».

СИНЯЯ КОРОБКА

Всё воскресное утро Коля провозился над своим самодельным сундучком: он что-то сверлил, стругал, приколачивал... Вечером показал сундучок отцу и сказал:

— Папа, открой-ка крышку...

Отец попробовал, но у него ничего не получилось — крышка не открывалась.

— Ты что, гвоздями её приколотил? — спросил он.

— Нет! — засмеялся Коля.— Это я пристроил такой секретный замок. Его никто не откроет...

— А зачем он тебе понадобился? — удивился папа.— Что ты собираешься запирать на секретные замки? А главное, от кого?

На это Коля ответил, поглядывая на младшую сестрёнку Таню:

— Есть у меня что запирать и есть от кого.

Таня обиделась.

— Неправда! — закричала она.— Я никогда у тебя ничего без спросу не беру. Зачем ты на меня наговариваешь?

Но на другой же день, как только Коля ушёл в школу, папа — на работу, а мама — в магазин, Таня достала из-под кровати Колин сундучок и принялась его осматривать со всех сторон. Никакого замка на сундучке не было видно, ни внутреннего, ни висячего, а крышка не открывалась. Чем дольше возилась Таня, отыскивая замок, тем сильнее разгоралось её любопытство.

— Что он от меня там спрятал? — ворчала она.— Колька наш такой, что даром не будет секретные замки придумывать.

И вдруг совершенно случайно Таня нажала пальцем на шляпку гвоздя — шляпка торчала сбоку на крышке,— в сундучке что-то легонько щёлкнуло, и... крышка приподнялась.

Сверху в сундучке лежали тетрадка, книжка, переводные картинки. Потом Тане попалась сломанная рогатка, кусок синего мела, четыре стреляные гильзы от винтовочных патронов и ещё разные Колины «сокровища».

— О-о-о! — протянула Таня.— Нашёл что запирать на секретные замки! Так всё лежало — я не трогала, а теперь он придумал запирать... Нужны мне его гильзы!

Но вдруг на самом дне сундучка она отыскала синюю коробку, перевязанную крест-накрест ленточкой. На коробке был нарисован вход в метро, над входом горела большая красная буква «М».

— Конфеты...— прошептала Таня.— Как же Кольке не стыдно? Запер от меня конфеты... Да ведь их всегда маленьким отдают!

Таня долго вертела коробку в руках, пока решилась посмотреть, какие же в коробке конфеты: в завёртках они лежат или просто так? Она осторожно развязала бантик и открыла коробку. Конфеты

Конфеты были шоколадные, тёмно-коричневые, с рубчиками.

лежали в четыре ряда, по пяти штук в каждом ряду, и все были завёрнуты в серебряные бумажки.

Потом Тане захотелось узнать, какие это конфеты: шоколадные или простые? Она осторожненько, чтобы не порвать, развернула серебро. Конфеты были шоколадные, тёмно-коричневые, с рубчиками.

«А с начинкой они или нет?» — подумала Таня и разломила одну конфету. В середине её оказалась розовая помадка.

Ну, а разве с одной распробуешь их — вкусные они или нет? И, только облизав пальцы после третьей конфеты, Таня зажмурилась и сама себе сказала:

«Ишь какие у Кольки конфеты лежат под секретными замками!»

Однако она тут же подумала:

«Ой!.. Что же это я наделала? Ведь Колька узнает про всё и непременно расскажет маме. А мама обязательно скажет папе. А он не купит мне ёлку, и не будет у меня на Новый год ни ёлки, ни именин... А всё Колька виноват! Всегда он мне что-нибудь такое подстроит... Это потому, что не любит он меня...»

На душе у Тани сразу стало горько-горько. Так горько, что она взяла и съела ещё одну конфету. Но от этого на душе лучше не стало, и она всё продолжала думать, что ей теперь делать. И придумала: она взяла из буфета кусок чёрного хлеба, слепила из него четыре конфеты, завернула в серебряные бумажки и положила в коробку.

Поддельные конфеты так были похожи на настоящие, что когда на другой день Таня взяла ещё пять штук, то ей попалась одна хлебная. А через несколько дней, сколько она ни искала, ни одной настоящей конфеты в коробке найти не смогла.

— Что же это получается? — возмущалась она.— В коробке было двадцать конфет, а я слепила только девятнадцать. Значит, там ещё есть одна настоящая?

Но последнюю, настоящую, ей уже не пришлось

уничтожить: Колю отпустили на каникулы. Целый день Таня с тревогой посматривала на брата, но он ничего не заметил. Потом папа принёс ёлку. Ёлку надо было украшать. Надо было звонить гостям по телефону и напоминать им, что ёлка будет не простая, а именинная, чтобы гости, чего доброго, про подарки не забыли... За этими хлопотами Таня совсем забыла про Колины конфеты.

Гостей на именинную ёлку собралось много. Все они поздравляли Таню, дарили подарки. Последним дарил Коля. На глазах у всех он достал из-под кровати свой сундучок и, не скрывая больше от Тани секрета, нажал пальцем на гвоздь. Крышка открылась. Коля достал синюю коробку с конфетами и торжественно преподнёс сестрёнке.

— Бери,— сказал он.— Это я специально тебе на именины берёг. В детском театре я их на «викторине» выиграл. Ну, и решил для тебя поберечь... Только, если можно, дай, Тань, и мне одну, попробовать охота, какие они...

Тут гости все заулыбались, мама погладила Колю по голове, а Таня поёжилась.

Дрожащими руками развязала она липкий, замусоленный бантик на коробке и открыла её. Коля, не выбирая, взял одну конфету, развернул серебро и сунул в рот. Таня зажмурилась.

«Сейчас он выплюнет конфету, и всё откроется»,— подумала она.

— Ой, Таня! — сказал Коля.— Да ты только попробуй, какие они... Смотри-ка, с розовой начинкой! Пробуй, пробуй!

Пришлось попробовать.

«Вот всегда так получается! — думала Таня, разжёвывая чёрствый и уже горьковатый хлеб.— Одна была настоящая — и та Кольке досталась! А мне всегда не везёт...»

УМЕЛЫЕ РУКИ

Не успел Митя утром одеться и умыться, как раздался телефонный звонок.

— Не иначе как твой дружок спозаранку трезвонит...— сказала мама.— Опять что-нибудь такое придумал, что и на голову не наденешь...

— Это ты, Мить? — послышалось в трубке.

— Я...

— А это я, Витя... Мить, у тебя умелые руки?

— Как это — умелые? — не понял Митя.

— Ну, делать ты что-нибудь умеешь? Строгать там или пилить.

— А то ты не знаешь! Немножко умею, а что? Опять что-нибудь придумал и хочешь, чтобы я сделал? — усмехнулся Митя.

— А я теперь и сам всё могу делать. И тебя, если захочешь, тоже научу!..— кричал Витя в телефонную трубку.

— Ну вот, понесло!.. Ох и любишь ты хвастать! — перебил дружка Митя.

— Я хвастаю? А вот приходи скорее к нам, и я тебе покажу, что я умею делать... Только прихвати с собой свою копилку! — кричал Витя.

— Да ты что, за деньги собираешься показывать? — возмутился Митя.

Но оказалось, что деньги нужны были для общего дела — на приобретение инструментов. Всякому понятно, что даже при самых умелых руках без инструментов ничего путного не смастеришь. Витя уже опустошил свою копилку — глиняного бульдога с перевязанной щекой — и добыл из неё рубль семьдесят пять копеек в серебре и меди.

Встречая Митю, Витя показал ему книгу под названием «Умелые руки».

— Это мне один папин знакомый подарил. Я её почти всю прочёл и теперь что хочешь в два счёта могу сделать...— захлёбываясь, говорил Витя.— А потом, когда чего-нибудь дома сделаем, мы и в школе организуем кружок «Умелые руки». Я буду старостой, а ты будешь инструменты выдавать...

— Там видно будет...— пробасил Митя и стал с помощью столового ножа добывать из своего козла-копилки гривенники, двугривенные, пятиалтынные. Он был бережливее Вити, у него только двугривенных набралось больше чем на два рубля. Всего первозачинатели кружка «Умелые руки» собрали три рубля девяносто пять копеек и помчались в магазин, в котором продаются всевозможные инструменты.

Разных инструментов в магазине было полным-полно. Рубанки и ножовки, стамески и плоскогубцы, кисти и молотки, топоры и клещи... Инструменты лежали под стеклом на витрине, грудились на полках, висели по стенам на специальных щитах. У ребят глаза разбежались. Может быть, поэтому они и купили что поближе лежало — коловорот с набором свёрл.

— Рубанок надо было купить...— ворчал потом

Митя, подходя к дому.— Рубанком строгать можно, а что будем коловоротом делать?

— Как — что!.. Дырки будем делать,— не унывал Витя.— Дырки, знаешь, тоже интересно делать... Давай вот попробуем просверлить одну в нашем заборе.

— Зачем? — удивился Митя.

— Во двор будем через неё смотреть...

— Во двор можно и через ворота смотреть,— проворчал Митя. Но ему и самому не терпелось попробовать коловорот, и он принялся распаковывать покупку.

— Чур, я первый буду сверлить! — крикнул будущий староста кружка «Умелые руки».

— Ладно,— согласился Митя и протянул Вите сначала коловорот, а потом сверло.— Вставляй вот и сверли. Только скорее, мне тоже хочется...

Но вставить сверло в патрон оказалось не так-то просто, сверло почему-то не хотело вставляться.

— Куда же ты смотрел, когда покупали? — набросился на Митю Витя.— Тут же совсем никакого отверстия нет. Куда же тут вставлять-то сверло?

— А сам ты куда смотрел? — надулся Митя.— Я вовсе рубанок хотел купить, а ты коловорот выбрал... Теперь куда хочешь, туда и вставляй...

Но всё же Митя взял коловорот в руки и стал его изучать со всех сторон. Не прошло и минуты, как он понял, в чём секрет.

— Эх ты, мастер-ломастер!..— засмеялся он.— Смотри вот, повертишь патрон в эту сторону, и вот тебе гнездо раскрылось. Вставляй сверло... Так. А теперь верти в другую сторону... Ну, держится? А ты такой чепухи понять не мог.

— Подумаешь!..— протянул Витя.— Я бы и сам догадался, так ты же скорее давай из рук вырывать, вертеть... Зато я дырку сейчас как огнём прожгу... Смотри!..

Витя приставил сверло к доске забора, упёрся грудью в головку инструмента и начал вертеть. Но

— А ты не верил, что дырки делать интересно!

сверло только скользило по доске и никакой дыры «прожигать» не желало.

— Ну вот... Опять не посмотрели и накупили тупых свёрл! — сказал Витя.

— При чём тут свёрла? Сам ты тупой... Ты же в другую сторону крутишь,— опять засмеялся Митя.— Дай-ка я просверлю сначала.

В руках у Мити коловорот сделал своё дело — сверло с мягким хрустом вошло в доску и через минуту вышло с другой стороны. Дыра получилась круглая, аккуратная. Витя хотел сразу же заглянуть в неё, но она была так высоко, что он и на цыпочках не достал. Тогда он схватил коловорот, примерился по своему росту и стал вертеть... Коловорот и в его руках сделал своё дело, и у него дыра получилась круглая и аккуратная. Глянули они каждый в свою дырку, да так и замерли от восторга: собственный двор показался им сказочно красивым.

— Как в кино...— прошептал Витя.

— Ага...— согласился Митя.

— А ты не верил, что дырки делать интересно! Ты мне всегда верь, я знаю, что надо делать... А рубанком что бы мы делали? Им дырку не просверлишь...— расхвастался Витя, точно он сотворил невесть что.— Я сейчас возьму и просверлю себе рядом ещё одну и буду смотреть, как в бинокль...

— А я что? Я тоже ещё просверлю...— сказал Митя.

Смотреть через две дыры на то, что делается во дворе, было ещё интереснее. Беда была только в том, что во дворе в это время ничего не делалось. Прямо обидно было: то всегда что-нибудь да увидишь — или грузовик уголь привезёт, или точильщик ходит под окнами и кричит: «Точить ножи-ножницы!» — или ещё там что, а тут двор как вымер, даже никого из малышей не видно было.

— Хоть бы кто ведро на помойку вынес!..— вздохнул Витя.

— Да...— согласился Митя.— Или хоть бы какая-нибудь собака за кошкой погналась... И то интересно было бы...

Тут Вите пришла в голову идея:

— Знаешь что? Я буду смотреть, а ты беги во двор и чего-нибудь там делай... Ну, попляши там или на руках походи... Я потом тебе расскажу, интересно было или нет.

— Ишь придумал!..— обиделся Митя.— Что я тебе, клоун, чтобы на руках ходить? Сам пойди и ходи, а я буду смотреть.

— Нет, ты иди... Потому что я первый так придумал...— настаивал Витя.— А то я и придумывай, я же и на руках ходи. Хитрый какой!..

Тут они непременно должны были поссориться, но этому помешал Серёжка из седьмой квартиры. Ребята с ним почти никогда не водились, потому что это был самый отчаянный ябедник во всей школе.

— Вы чего тут делаете? — спросил он.

В другое время Витя и Митя, может быть, и не ответили бы ему, но сейчас они оба стали наперебой доказывать, да так, чтобы Серёжка их рассудил — кому из них следует смотреть в дырки, а кому ходить во дворе на руках. Но хитрый ябедник Серёжка больше заинтересовался самими дырками, чем спором.

— А ну-ка, дайте-ка я сначала сам в дырки гляну,— сказал он и хотел уже посмотреть.

Но Витя немедленно схватил его за штаны и оттащил от забора.

— Ты чего к чужим дыркам тянешься? Свои надо иметь! Пришёл на готовенькое!..

— А тебе что, жалко показать? — огрызнулся Серёжка.— Ну и не показывай! Очень надо!.. Пойду вот и скажу дяде Николаю, что вы забор портите...

Митя хотел было крикнуть: «Иди, ябеда, говори...» — но, вспомнив, что дядя Николай дворник и что за дырки в заборе в самом деле может влететь, примирительно сказал:

— Ладно... Мы тебе тоже просверлим дырку, только ты сначала сходи во двор и там немножко чего-нибудь поделай... Попредставляй, как в кино или как в цирке.

Серёжка взвесил предложение и сказал:

— Кабы две дырки, тогда бы я...

— Хорошо. Просверлим две... Беги во двор,— немедленно согласился Витя.

Но Серёжка побежал не сразу. Он выставил одно условие:

— Одну дырку я сам проверчу...

— Там видно будет...— сказал Митя.— Иди, пока мы согласны, а то других найдём.

Больше Серёжка условий ставить не стал и побежал «представлять». Он старался вовсю: и руками он мотал, и гримасы строил, показывал, как ходят пьяные, и ещё что-то.

Зрители, Митя с Витей, хохотали до упаду.

— Ты на четвереньках побегай!..— кричал Митя.

— На руках походи!..— визжал от восторга Витя.

Серёжка старался вовсю. Он честно старался, зарабатывая две дырки в заборе, одну из которых он думал провертеть сам. Если раньше во дворе было пусто, то теперь и грузовик приехал, и тётенька ведро вынесла на помойку, малыши высыпали из всех дверей. Все останавливались и с недоумением смотрели на Серёжку — что это с парнем делается, чего это он один посреди двора на четвереньках ползает? Все смотрели на Серёжку, а он так вошёл в роль, что уже ничего не замечал.

Тут кто-то сбегал за Серёжкиной матерью, и она, бросив на кухне всё печёное и варёное, выбежала во двор.

— Серёженька! Мальчик мой! Что с тобою? — крикнула она.— Тебя что, бешеная собака укусила?

Серёжка сразу очнулся, посмотрел кругом, увидел, что все на него смотрят, и бросился со двора. Мать кинулась за ним, за ней малыши...

— Бежим! — крикнул Витя.

Но тут кто-то крепко схватил его за руку. Витя так и обмер с перепугу: перед ним стоял дворник дядя Николай. Другой рукой он крепко держал Митю.

— Граждане! Что же это такое? Весь забор издырявили! — сказал он страшным басом, хотя ещё никаких граждан не было, они ещё бежали по двору вслед за Серёжкой.

— Пустите!..— пропищал Витя.

— Мы больше не будем!..— прошептал Митя.

— Нет уж... Знаю я вашего брата! — сказал дядя Николай.— Идёмте к родителям...

Он провёл ребят мимо застывших зрителей, так что Витя с Митей так и не узнали, чем кончилось представление и поймала ли Серёжкина мать своего «ненормального» Серёжку или он сбежал от стыда за тридевять кварталов.

У Вити никого дома не было, и дядя Николай отпустил его, предварительно высказавшись в том смысле, что умный человек и с метлой, к примеру, может пользу приносить, а другой и с машиной только вред принесёт. Вечером дядя Николай обещал ещё заглянуть. Митина мама, выслушав дядю Николая, немедленно усадила Митю за уроки до прихода с работы отца.

Примерно через час Витя позвонил Мите:

— Митя! Ты чего делаешь?

— Уроки...— уныло ответил Митя.— А ты что?

— А я работаю...

— Работаешь? А что ты делаешь?

— Дырки в стульях... Мы купили новые стулья, но они все без дырок. Вот я их и переделываю.

— А зачем в стульях нужны дырки? — удивился Митя.

— Не знаю... Но ведь бывают же стулья с дырками. Вон у нас на кухне такой стоит. Я делаю посредине одну большую дырку, а по краям маленькие... Очень красиво получается. Три стула я уже переделал,

остаётся ещё четыре... Потом буду вертеть дырки в дверях...

— А в дверях зачем? — ещё больше удивился Митя.

— Для вентиляции... Как в ванной. У нас, знаешь, без таких дырочек очень душно бывает... Чего ты хихикаешь в трубку?

— Да потому что подумал: что тебе за стулья твоя мама скажет? — засмеялся Митя.

— Скажет, что я молодец! Что у меня умелые руки... Ну, мне некогда с тобой лясы точить, мне работать надо,— сказал Витя усталым голосом и повесил трубку.

Он больше не звонил до самого вечера. Митя не выдержал и сам позвонил. К телефону подошла Витина мама.

— Позовите, пожалуйста, Витю,— попросил Митя.

— Он не может подойти,— сердито сказала Витина мама.

— А он что, работает?

— Нет, уже не работает... Он стоит уткнувшись носом в угол и думает, что бы ему ещё в доме испортить, кроме стульев, дверей и моих туфель...

— Он и в туфлях дырки вертел? — ахнул Митя.

— Да. Он сделал из них красивые босоножки и уверяет, что они мне будут очень идти... Из отцовских ботинок он успел пока сделать только левую сандалету, правую они будут делать вместе... Ну, тебе всё понятно?

— Всё...— тихо сказал Митя, вспомнив, что и ему предстоит разговор с отцом.

— Ну, если понятно, то вешай трубку. Тут зачем-то пришёл дядя Николай. Может быть, вы и у него что-нибудь переделали своими «умелыми руками»?

Митя ничего не ответил и торопливо повесил трубку.

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛИШНИЙ

— Сегодня я получил письмо из Заполярья,— как бы между прочим, сказал Мите Витя по дороге в школу.— Ты не знаешь, у меня в Мурманске живут два двоюродных брата и троюродная сестра.

— Интересно, почему это Нюрка стала тебе вдруг троюродной сестрой, если она родная сестра Вовки и Сашки? — засмеялся Митя.

— Братьев двое,— значит, они двоюродные... А Нюрка третья, значит... Ну, да это неважно. Важно, что́ они мне пишут. Читай!

В письме троюродная Нюрка сообщала, что они организовали в своём дворе что-то вроде краткосрочного детского сада. Теперь мамы, если им надо было куда-нибудь пойти, могли оставить своих маленьких на площадке или в домовом красном уголке на попечение дежурных ребят.

— Ты думаешь, у нас нельзя поднять такое дви-

жение? Сколько угодно! Только скажи нашим мамашам — сотню малышей приволокут,— принялся фантазировать Витя.

Сотню не сотню, а когда Митя и Витя объявили мамашам о своём намерении, они с великим удовольствием поддержали их движение тем, что привели на детскую площадку целую дюжину ребятишек.

— Хорошо бы и девочек, особенно старшеклассниц, привлечь к этому делу,— пожелали мамаши.

— На готовенькое прибегут и девочки. Важно начать! Но вы не беспокойтесь за маленьких, справимся! Не с такими справлялись,— успокоил мамаш Витя.

После такого заверения мамаши со спокойной душой ушли по своим делам, а зачинатели движения приступили к делу.

— Дети! Сейчас мы для вас слепим снежную бабу,— заявили они своим воспитанникам.

— Мы тоже слепим для вас бабу! — ответили малыши хором, как в хорошем коллективе самодеятельности.— Наша баба будет красивее вашей!

— Ха-ха-ха! — ответил на это воспитатель Витя.— Цыплят по осени считают!.. Помните только: снежная баба, чем она будет страшнее, тем лучше!..

Между воспитателями и воспитанниками разгорелось здоровое соревнование. И те и другие творили с таким подъёмом, что друг на друга не обращали никакого внимания. Малыши скоро так вывалялись в снегу, что Митя чуть было не прилепил одного из них вместо головы к своей снежной бабе.

— Ну, чья взяла? — торжествующе спросил Витя, когда пришло время «считать цыплят».— Чья баба красивее?

— Наша! — не задумываясь, ответил хор малышей.— Она же самая некрасивая, значит, самая красивая! Что нам за это будет?

Честно говоря, воспитатели, принимая во внимание условия соревнования, должны были признать

— Может быть, ты знаешь свою фамилию?

себя побеждёнными: юные скульпторы сотворили такое произведение искусства, что сами на него посматривали со страхом.

— Ладно, уступим им,— примирительно сказал Митя.— Не забывай, что они совсем ещё малыши. Вот этот, с конопушками, ещё и говорить как следует не умеет... Премию надо было бы им дать...

— Премию? Сейчас будет им премия! — крикнул Витя и умчался домой.

Через минуту он вернулся и стал раздавать ребятишкам по одному круглому печенью и по одной ириске «Золотой ключик».

И тут случилось совершенно непредвиденное: он отдал последний кружок печенья и последний «ключик», а перед ним стоял ещё один малыш, желающий получить премию.

— Что случилось? Не мог принести на всех? — набросился на него Митя.

— Я принёс на всех... По счёту брал...— смутился Витя.— Ты лучше их самих пересчитай.

— А чего там считать...— начал было Митя, но тут же осекся: малышей действительно было не дюжина, а тринадцать.

— Вот это номер! Как же мы теперь узнаем, который из них лишний, и куда мы его денем? — сказал Витя, поёжившись.

— Как — куда? В милицию отведём или ты его усыновишь,— подсказал выход Митя.

— Почему это я должен его усыновлять?

— Ты зачинатель всего — тебе и усыновлять...

Тринадцатого лишнего удалось выявить только после того, как мамы опознали своих ребят, предварительно очистив их от снега. Им оказался тот самый малыш, который ещё толком говорить не умел.

— Ты чей? — начали его допрашивать ребята.

— Аин и аин,— ответил малыш.

— Ясно... А где ты живёшь?

— Ома...

— Ещё яснее! А зовут тебя как?

— Ая...

— Ая? — Митя посмотрел на Витю.— Кажется, он ещё вдобавок и девчонка... Может быть, ты знаешь свою фамилию?

— Аяенго...— твёрдо ответил тринадцатый лишний и протянул руку за премией.

— Да нет у меня больше ничего! — сказал Витя и даже карман вывернул.

У Аи Аяенго глаза мигом уподобились двум родничкам, губы задрожали, наверно, в поисках подходящих слов, он повернулся и побежал в дальний угол двора, огороженный глухим забором.

— Куда ты, мальчик! — закричал Витя.

— Подожди, девчонка! — уговаривал Митя.

А малое существо забежало за груду ящиков и... точно на небо вознеслось.

Митя и Витя чуть лбами не стукнулись о забор. Им так было жаль малыша, что они оба готовы были немедленно его усыновить...

И вдруг за забором раздались радостные крики.

— Валя! Валенька! — закричала одна женщина отчаянно-радостным голосом.

— Сидоренко! Ты почему это убегаешь без спроса? — кричала вторая облегчённо-строго.

— Это он из настоящего детсада к нам удрал,— первым пришёл в себя Митя.— Где-то в заборе есть дырка.

— Значит, ему было у нас интересней! — пришёл в себя и Витя.— Вот видишь, мы так развернёмся, что они к нам все перебегут! Завтра же надо будет подготовить ребят, для них каток залить...

— Каток? Да ты что? — рассмеялся Митя.— Ты бы ещё трамплин для них построил! Высотой с дом. И первым с него прыгнет твоя Ая!

— Не «моя», а «мой»...— огрызнулся Витя.— Он хоть и тринадцатый лишний, а парень что надо... Такого можно с закрытыми глазами усыновлять!

КРАСНЫЕ МЕЧЕНОСЦЫ

— Я думаю, что нам надо заводить аквариум,— сказал как-то Витя.— Во-первых, это очень красиво, когда в комнате стоит аквариум. Мы таких золотых рыбок разведём, что все ребята ахнут. А ещё мы с аквариумом всегда будем знать, стоит ехать на рыбалку или не стоит, будет клёв или не будет...

— А как ты узнаешь про клёв? — спросил Митя.

— Очень просто. Будем пробовать ловить в аквариуме. Если золотые будут клевать, так простые и подавно! Иди говори маме, чтобы она дала тебе денег, и поедем на Птичий рынок. Там торгуют по воскресеньям. У меня уже есть рубль...

Пока они протискивались к рыбным рядам, разные торговцы им чуть рукава не пооторвали. Голубятники уговаривали купить пару турманов, крольчатник совал им под нос толстую крольчиху, выхватив её за уши из корзины, птичник подсовывал золотистую канарейку, которая стоила дороже жар-птицы.

Трудно простыми словами описать все причуды подводных мирков, созданных руками аквариумных дел мастеров. О населении этих мирков вообще никакими словами рассказать нельзя. Волшебство! Творения искусства! Люди вывели такие фантастические породы рыб, с таким оперением и такой раскраской, что сама матушка-природа застывала перед ними в изумлении.

Но очень скоро выяснилось, что волшебство это стоит сказочных денег. У ребят хватило их только на те четыре стекла, примазанных цементом к металлическому остову, которые отгораживают подводное царство от внешнего мира. На золотых рыбок они наскребли по карманам немного мелочи, и седобородый чародей-торговец согласился продать им одну пару красных меченосцев, рыбок величиной с полмизинца, включая и мечевидный хвост самца. В порядке премии к аквариуму он отпустил бесплатно пригоршню речного песку, стакана три слегка подогретой воды и чахлую веточку рдеста — представительницу подводной флоры.

Когда подводный уют был создан, седобородый чародей изловил в своём аквариуме крохотным марлевым сачком самку меченосца и пересадил её в аквариум ребят. А когда дошла очередь до самца, случилось целое происшествие: самец выпрыгнул из сачка, мелькнул в воздухе красной искоркой и упал на снег прямо под ноги Вите. Витя хотел было поднять его руками, но торговец заорал на него:

— Не трожь! Нельзя руками!..

Он выскочил из-за прилавка, при всём честном народе упал на четвереньки, губами поднял рыбёшку и выплюнул её в аквариум ребят.

— Завсегда губами их надо брать,— сказал он, поднимаясь.— Чтобы чешуйки не повредить. Они существа искусственные, нежные, а ты норовил его пятернёй лапнуть...

Митя не доверил Вите нести драгоценную ношу.

Он сам внёс аквариум в переполненный троллейбус. Витя шёл впереди и вежливо просил всех расступиться. У самой последней остановки, на Таганке, водитель, чтобы не врезаться в автобус, так резко тормознул, что всех пассажиров швырнуло к передней двери. Сам Митя на ногах удержался, не выронил он и аквариума, но половина воды из него выплеснулась на пол, а вместе с водой вылетела и самочка меченосца.

— Стойте! Не трожьте руками! — закричал Витя, хотя никто даже не заметил этого происшествия.

Не раздумывая, Витя упал под ноги пассажирам, вытянул губы трубочкой и громко втянул в себя воздух.

— Ну, чего же ты? Выплёвывай...— поторопил его Митя, когда он поднялся, подставляя аквариум.

Но Витя стоял перед ним онемев, глядя на него расширенными глазами.

— Да выплёвывай же! — крикнул Митя.— Она же задохнётся у тебя во рту!..

— Не могу...— выдавил наконец из себя Витя.— Она... Она, понимаешь, проглотилась...

И, чтобы Митя убедился в этом, Витя широко открыл рот и даже язык высунул. Действительно, самочки меченосца во рту у него не было.

— Что же теперь будет, Митя? Она ведь живая проглотилась. Она же шевелится в животе... Я чувствую...— захныкал Витя.

— «Что будет, что будет»!..— окрысился Митя.— О себе только думаешь...

До самого дома Митя не сказал больше ни слова. Даже когда Витя стал уверять его, что чувствует колики в животе, что может каждую минуту умереть, у Мити не нашлось и слова сочувствия.

Аквариум они установили на Митином столе, долили воды, набросали в воду мотылей и сухого корму. Но меченосец даже попробовать ничего не захотел.

— Конечно, не будет есть, раз ты его самку проглотил! — проворчал Митя.— Он теперь наверняка пропадёт от одиночества...

Витя взял марлевый сачок и стал им подталкивать к носу рыбёшки корм. Меченосец, думая, наверно, что его опять собираются ловить, заметался по аквариуму, и не успел Витя выхватить сачок, как меченосец вылетел из воды, упал на стол, со стола — на пол.

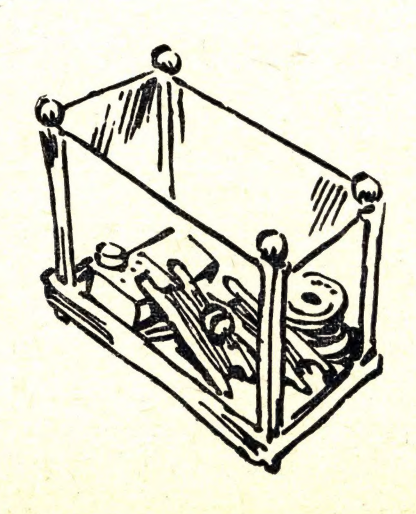
— Не трожь! — закричал Митя.— Я сам!..

Но Витя был уже на полу, губы его уже дотянулись до рыбёшки, он втянул в себя воздух, как исправный пылесос, и... самец-меченосец последовал за своей подругой...

Не поднимаясь с четверенек, Витя направился к двери. Он не мог посмотреть Мите в глаза.

— Я же не виноват, что они такие скользкие... Что они сами в горло проскакивают...— оправдывался он.— Других разведём... каких-нибудь шершавых...

— Да разве с тобой можно рыб разводить? С тобой только крокодилов можно разводить! — крикнул Митя.— Крокодила уж ты не проглотишь! Он сам тебя скорее проглотит!

Цена 7 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1976 году вышли и выходят следующие книги:

Благинина Е. **КЛЯТВА БОЙЦА.**

Стихи

Евдокимов Н. **РАССКАЗ О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ.**

Глава из романа «У памяти свои законы»

Коршунов М. **ПЕТЬКА И ЕГО, ПЕТЬКИНА, ЖИЗНЬ.**

Весёлые рассказы о современных детях

Фадеев А. **МЕТЕЛИЦА. САШКО.**

«Метелица» — отрывок из романа «Разгром». «Сашко» — отрывок из романа «Молодая гвардия».

Для младшего школьного возраста

Андрей Павлович Шманкевич

КОЛЬКА-ТЕОРЕТИК

Рассказы

Ответственный редактор *Л. Г. Тихомирова.* Художественный редактор *Н. З. Левинская.* Технический редактор *Г. Г. Стан.* Корректор *В. В. Борисова.* Сдано в набор 11/VI 1975 г. Подписано к печати 9/XII 1975 г. Формат 60×90[1]/16. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,51. Тираж 750 000 экз. Цена 7 коп. Заказ № 1136. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.